

55 (c5)
5-121

М. БАБАХОДЖАЕВ

Герат эпохи Алишера Навои

М. А. БАБАХОДЖАЕВ

ГЕРАТ ЭПОХИ АЛИШЕРА НАВОИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЗБЕКИСТАН»
ТАШКЕНТ — 1968

В мае 1968 г. узбекский народ, а вместе с ним все народы нашей великой Родины будут торжественно праздновать 525-летие со дня рождения Алишера Навои — гениального поэта, великого мыслителя и гуманиста, родоначальника узбекской литературы и основоположника узбекского литературного языка.

В предлагаемой читателю брошюре рассказывается о наиболее известных представителях науки, литературы и искусства Герата — крупного торгово-экономического и политического центра Среднего Востока, — пользовавшихся покровительством и дружбой Алишера Навои. Показан вклад Навои в строительство этого города, в котором он родился и провел большую часть своей жизни.

Многое из жизни Алишера Навои, истории и культуры Герата той эпохи было уточнено во время поездки в Афганистан (в конце 1966 г., в связи с подготовкой к празднованию 525-летнего юбилея Алишера Навои) делегации крупных ученых Узбекистана — академиков И. М. Муминова (руководитель делегации, вице-президент АН УзССР), Т. Н. Кары-Ниязова, В. З. Захидова и заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, профессора Х. С. Сулейманова.

Бабаходжаев М. А.
Герат — эпохи Алишера Навои. Т.,
«Узбекистан», 1968.
44 стр. Тираж 5000.

1. Навои Алишер. О нем.

1-6-2

1968

314903
Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
001(5)+8Уз
Академии наук Киргизской ССР

В конце XIV в. Тимур (1336—1405), сын Тарагая, бека тюркизированного монгольского племени барлас, и основатель обширной тимуридской империи, завоевал и включил в свои владения территорию современного Афганистана.

После смерти Тимура созданная им лоскутная империя распалась на ряд отдельных владений, где в качестве фактически самостоятельных и независимых правителей утвердились его многочисленные сыновья и внуки. А часть завоеванных Тимуром стран и областей освободилась из-под власти тимуридов.

Один из сыновей Тимура, Шахрух (1409—1447), после продолжительной борьбы был признан верховным главой тимуридов. Но это признание было номинальным и способствовало лишь формальному восстановлению единства владений, которыми управляли потомки Тимура.

При Шахрухе и его преемниках Герат, который насчитывал несколько сот тысяч человек, становится крупным городом Среднего Востока и главной столицей тимуридских владений. Экономическому росту и политическому возвышению города способствовал ряд обстоятельств. Главным из них было его исключительно выгодное географическое положение. Герат находился в центре тимуридских владений и потому был защищен от ударов извне. Это способствовало быстрому росту города.

Другим важнейшим моментом было то, что он находился на скрещении важнейших международных сухопутных торговых путей, связывающих страны Азии и Европы. Это стимулировало экономическое развитие города.

При тимуридах Герат стал одним из крупнейших культурных центров стран Востока. «Преимущества Тамерлана (Тимура), называемые «тимуридами», — пишет известный современный афганский ученый, профессор Мухаммад Али в своей книге «История культуры Афганистана», — были в общем и целом просвещенными людьми и большими покровителями искусства и науки... Имея столицу в Герате, тимуриды украшали этот город прекрасными зданиями и распространяли свое покровительство на искусство, литературу, философию, каллиграфию и архитектуру».

Значение Герата как экономического, политического и культурного центра заметно возрастает во второй половине XV — начале XVI вв., когда Герат переходит под власть Султана Хусейна Байкары (1469—1506).

В Герате были ремесленные кварталы, населенные гончарами, портными, ювелирами, кузнецами, кожевниками, плотниками и ремесленниками других специальностей. Тут же находились и лавки ремесленников, а также дворы торговых людей.

Тимуридское государство устанавливает и поддерживает посольские отношения со многими странами. В Герат приезжают иностранные послы, отсюда снаряжаются в другие государства посольства верховного главы тимуридов. Так, в 1490—1491 гг. по свидетельству русских источников, из Герата было отправлено посольство к русскому царю Ивану III с целью заключения договора «о любви и о дружбе».

В рассматриваемый период значительно активизируются и торговые связи Герата с различными районами Средней Азии, Индией и другими странами.

Торговля играла весьма существенную роль в хозяйственной жизни Герата. Но это не мешало развитию собственной сельскохозяйственной базы на окрестных территориях, так же как импорт ремесленной продукции из других стран не мешал развитию собственного ремесла. Высокохудожественные изделия местных мастеров были известны далеко за пределами города.

Герат второй половины XV — начала XVI вв., по свидетельству гератских историков, был средоточием самых высококвалифицированных мастеров искусств и ремесел и вообще одаренных людей, которых «в других местах нельзя было найти и одиночками». Здесь жили и трудились выдающиеся поэты и музыканты, ученые и художники, архитекторы и каллиграфы. Многие из них были выходцами из других стран. Как утверждает современник Навои тимуридский правитель Захраддин Мухаммад Бабур, такого города как Герат не было «во всем населенном мире». И по его словам, в Герате «каждый, кто занимался каким-нибудь делом, имел цель и желание довести это дело до совершенства».

По уровню культуры Герат рассматриваемого периода мог соревноваться с Самаркандом, который, однако, после смерти знаменитого ученого-астронома Улугбека (1447—1449) перестал играть роль культурного центра тимуридских владений.

Большую роль в развитии Герата сыграл Алишер Навои, который долгое время занимал пост хранителя печати и визиря Султана Хусейна. «Ему, — как подчеркивает профессор Мухаммад Али, — удалось создать в столице замечательный центр искусства и литературы, что можно по справедливости назвать высшей точкой... чудесного возрождения».

Гениальный поэт и мыслитель, музыкант и художник, педагог и ученый, крупный государственный деятель и один из культурнейших людей своего времени Алишер

Навои был общепризнанным руководителем культурной жизни Герата, покровителем многочисленных представителей науки, искусства и культуры. «Благодаря Алишеру сколько людей получило писательское и художественное воспитание и укрепление своего дарования,— писал Бабур.— Подобного Алишеру-беку покровителя и воспитателя людей больше не было».

Образ этого разносторонне образованного и талантливого человека исторически неотделим от широкого круга его современников, друзей, почитателей и прямых учеников — поэтов и музыкантов, ученых и архитекторов, каллиграфов и художников, историков и писателей, определивших своей деятельностью культурный расцвет Герата «эпохи Навои».

В своей антологии «Маджалис-ан-Нафаис» («Собрание прекрасных», или «Изящные беседы»), написанной приблизительно в 1491—1492 гг., Алишер Навои приводит интересные библиографические сведения о многочисленных поэтах, писателях и ученых современной и предшествующей эпохи и дает критическую оценку их трудам. Великий Навои излагает здесь свои суждения о 459 писателях, поэтах и ученых. Многие из деятелей науки, искусства и литературы, о которых говорится в «Маджалис-ан-Нафаис», учились у Алишера Навои и получали от него помощь.

Среди знаменитых современников Алишера Навои, пользовавшихся его покровительством и дружбой, был Нуриддин Абдуррахман Джами (1414—1492) — великий классик таджикско-персидской поэзии и выдающийся ученый. Джами начал учиться в Герате, а затем продолжал образование в Самарканде. Его первыми учителями были маулана Джунаид и маулана Ходжа Али Самарканди. Джами был настолько талантливым учеником, что сумел, прослушав курс лекций Кази-заде Руми, одолеть в споре этого ученого. И тот перед большим и ав-

Алишер Навои. Портрет работы Махмуда Музахиба.

торитетным собранием Самарканда признал свое поражение и похвалил юного победителя. «С тех пор как построен этот город,—заявил Кази Руми,—никто не переходил Окса (Аму-Дарьи — М. Б.) и не вступал в Самарканд, кто был бы равен Джами по остроте ума и способности оперировать им».

Джами был плодовитым автором. Его семь поэм, называемые «Сабийи Джами» («Семерица Джами»), или «Хафт Авранг» («Семь созвездий»), принадлежат к числу изящных творений на персидском языке. «В них,—подчеркивает известный востоковед профессор А. А. Семенов,—разбросано начало превосходных поэтических картин и описаний трогательных чувств и душевных движений. Под мастерским пером Джами оживают, казалось бы, трафаретные герои восточной поэзии. Облеченные в новые литературные формы, они загораются новой жизнью; их истории, изложенные в превосходных списках, блестящи по стилю, занимательны по сюжету и совершенны по форме».

Лучшим образцом таджикской и персидской прозы считается принадлежащий перу Джами «Бехаристан» («Весенний сад»). Полагают, что Джами за свою долгую жизнь написал, по крайней мере, 60 прозаических и поэтических произведений. Он также был автором трудов по арабской грамматике, философии, математике, астрономии, музыке и другим дисциплинам.

Алишер Навои был учеником, близким другом и биографом этого прославленного на Востоке поэта. В знак глубокого уважения к Джами Алишер Навои посвятил ему свою большую касыду (оду) «Тухфат-аль-Афкар» («Подарок размышлений» — 1476 г.) и пять знаменитых поэм «Хамсы» («Пятерица» — 1483—1485 гг.). Свои взаимоотношения с Джами Алишер Навои описывает в сочинении «Хамсат-аль-Мутахайрин» («Пятница смятенных»), которое было написано в 1492—1494 гг.

Авторитет Джами был настолько велик, что на его похоронах в Герате, как пишет Мухаммад Али, «присутствовали почти все члены королевской семьи, величественная колонна самых знаменитых богословов и ученых и огромная толпа простого народа, которые пришли из далеких и ближних мест, чтобы отдать дань уважения этому наиболее разностороннему гению своего времени».

Все заботы по организации поминовения взял на себя Навои. Он же принимал соболезнования. В память о Джами Навои написал элегию¹, а также хронограмму², которые перед участниками похорон с мимбара³ городской мечети прочитал известный гератский проповедник Хусейн Кашифи. Вот содержание этой хронограммы:

Самоцвет россыпи истины, жемчужина моря познания,
который достиг истины, и не было у него в сердце (ничего)
кроме нее,
раскрыл божественные тайны, и, несомненно поэтому,
стали датой кончины (его слова): раскрытие божьих тайн.

Крупнейшим представителем гератской лирики и прекрасным мастером староузбекской газели⁴, с которым поддерживал дружескую связь Алишер Навои, был Лутфи. Он родился во второй половине XIV в. и умер, по словам Навои, в возрасте девяности девяти лет. Он является автором поэмы «Гуль и Навруз», представляющей собой фантастический любовный роман.

¹ Э л е г и я — лирическое стихотворение, проникнутое грустным настроением.

² Х р о н о г р а м м а — обозначение даты какого-либо события в стихах.

³ М и м б а р — кафедра в мечети, с которой произносится проповедь и хутба.

⁴ Г а з е л ь — короткое лирическое стихотворение.

Предполагают, что по заказу тимуридского правителя Шахруха Лутфи изложил стихами «Зафар-намэ» — биографию Тимура, которую написал известный историк и литератор Шарафаддин Али Иязди. Эту большую работу, которая состояла более чем из трех тысяч бейтов (двустий), Лутфи так и не закончил. Во всяком случае, ее последняя часть до настоящего времени не найдена. Перу Лутфи принадлежат несколько касыд. Лутфи высоко ценил поэтический талант тогда еще молодого Навои. Гератский историк Хондамир, не находивший равных Лутфи по изяществу речи, сообщает, что тот однажды, «в первые годы зрелости ума и разумения эмира (Навои — М. Б.), пришел к нему и попросил: «Прочитай мне какую-нибудь газель и поделись со мной плодами твоей девственной мысли». Эмир прочитал газель, в которой есть такой стих:

Когда она закрывает лицо, из моих глаз падают слезы,
Подобно тому, как появляются звезды, когда прячется солнце.

Господин Лутфи, выслушав эту газель, впал в море изумления и сказал: «Клянусь Аллахом, будь это возможно, я променял бы на эту газель десять-двенадцать тысяч персидских и турецких стихов (моих) и считал бы сделку великой удачей».

Под непосредственным руководством Алишера Навои в Герате получил литературное образование прославленный и известный лирик Бадраддин Хиляли (ум. в 1532 г.), уроженец Астрабада. Рассказывают, что когда еще юный и никому не известный Хиляли впервые встретился с Навои и прочел ему свои стихи, то последний, заметив у своего собеседника большие способности к поэзии, спросил у него, какой он использует тахаллус¹. Юный поэт ответил «Хиляли». Тогда Навои воскликнул: «Не Хиляли,

¹ Тахаллус — псевдоним поэта.

Бадрий, Бадрий (т. е. ты подобен не молодому месяцу, а полнолунию)», и сказал, что он возлагает большие надежды на своего юного друга. Хиляли оправдал надежды своего учителя. Когда на одном из литературных вечеров, которые часто организовывались в доме Алишера Навои, встал вопрос, кому присудить премию за лучший стих, то выбор пал на Хиляли.

Многие стихи Хиляли положены на музыку среднеазиатских макомов. Но славу Хиляли принесла его знаменитая поэма «Шах и дервиш», повествующая об искренней дружбе молодых людей — представителей различных классов.

В рассматриваемый период получил известность как прославленный поэт уроженец Герата, богато одаренный Биннаи (Беннак). «Маулана Биннаи, как пишет о нем Навои, происходит из среднего сословия. Место его рождения — город Герат. Способности у него чрезвычайные. Сначала он изучал светские науки и много в них преуспел. Быстро бросил, возымел любовь к каллиграфии. В короткое время начал прекрасно писать. Проявлял склонность к теории музыки. Быстро изучил ее, создал много музыкальных произведений и написал трактат по теории. По причине самонадеянности и гордыни, он не имел успеха в массах. Вследствие этих отрицательных свойств, он избрал «путь нищеты» (дервишизм — М. Б.) и начал умерщвлять плоть. Старца (духовного руководителя — М. Б.) у него не было, и, так как он действовал по своему усмотрению, то пользы ему это не принесло. Вследствие попреков и укоров народа, он не смог остаться в Герате. Поехал в Ирак. Оттуда тоже доходили подобного рода слухи. Но так как он молод и перенес много бед и унижений на чужбине, то есть надежда, что его гордыня все же сломится».

Биннаи благодаря советам Навои, по адресу которого он иногда даже позволял себе грубые и оскорбитель-

ные выходки, не только познал все тонкости поэзии, но и овладел техникой составления разных музыкальных произведений. «Сначала Биннаи,— пишет Бабур,— был несведущ в музыке и по этой причине Алишер-бек, говорят, укорял его. В каком-то году, когда Мирза (Султан Хусейн—М. Б.) поехал зимовать в Мерв, и Алишер-бек тоже поехал туда, Биннаи остался в Герате. В ту зиму он упражнялся в музыке и к весне так наострился, что мог сочинять целые произведения. Весной, когда Мирза вернулся в Герат, Биннаи исполнял свои сауты и накши, и Алишер-бек удивился и одобрил его. В музыке Биннаи сочинял хорошие произведения».

Кипучая жизнь Биннаи трагически оборвалась в 1512 г., во время оккупации г. Карши войсками иранского шаха Исмаила. Рукописи стихотворений, а также неоконченный текст так называемой «Шейбани-намэ», писать которую Биннаи начал во время службы у Шейбани-хана в качестве придворного поэта и историка, дошли до наших дней.

Большим мастером касид, в написании которых он не имел себе равных, был Хасан Али Джалаир, служивший при дворе Султана Хусейна в должности кушбеги. «Касыды,— отмечал Бабур,— он сочинял очень хорошо и в свое время был вождем в отношении касид». Неплохие стихи писал Мирза Фаррух — сын одного из придворных Султана Хусейна. Мирза Фаррух неплохо разбирался и в астрономии.

Хорошими способностями в поэзии и науке выделялся двоюродный брат Алишера Навои, Мир Хайдар Сабухи.

Известным прозаиком был упомянутый выше гератский проповедник Хусейн Кашифи (ум. около 1504—1505 гг), который поражает высоким мастерством и своеобразием переработки животного эпоса «Калила и Димна».

Султан
Хусейн-
Мирза.
Портрет
работы
Бехзада.

Неплохим поэтом был и Султан Хусейн. В «Маджалис-ан-Нафаис» Навои посвящает его творчеству специальный раздел. «У их светлости,—пишет Навои,— хороших стихов и пленительных бейтов крайне много». Обладая хорошим литературным вкусом и являясь большим мастером слова, Султан Хусейн всячески покровительствовал развитию узбекской литературы. Он также питал любовь к архитектуре, музыке, каллиграфии и миниатюре. Этот широко образованный тимуридский правитель всемерно поддерживал мероприятия Алишера Навои, способствующие украшению Герата и развитию его культуры.

К прославленной плеяде поэтов эпохи Навои, жизнь и творчество которых в той или иной мере были связаны с Гератом, относятся лирики Баба-Фигани (ум. в 1519 г.), прозванный «малым Хафизом», Амир Шейхим Сухайли, Ходжа Асафи (ум. около 1517 г.), племянник Джами—Абдаллах Хатифи (ум. в 1521 г.), Халаф Наргиси (ум. в 1531 г.), Сайфи Бухараи (ум. в 1532 г.), Хусейн Ками, Хасан Шах, Сахиб Даро, Хофиз Саад, Баба Шурида, Дарвеш Раугангар Мешхеди, Мукбили, Шауки, Зауки, Риизи Турбати и другие.

Большого расцвета в эпоху Навои в Герате достигли каллиграфия и миниатюрная живопись. Работам гератских каллиграфов этого периода, как отмечал проф. А. А. Семенов, долго «подражали последующие поколения, а в Бухарском ханстве «хатти-и-харати» (гератский почерк) безраздельно царил в правительственных канцеляриях и в обиходе мирз (писцов) и катибов (каллиграфов) вплоть до падения эмирата в 1920 г.»

Вообще производству рукописей на Востоке и, в частности, в Герате в средние века уделяли огромное внимание. Рукописная книга являлась основной сокровищницей человеческой мысли и единственным орудием воспитания людей. Изготовлением и перепиской книг за-

нимались люди разных специальностей: мастер по подготовке бумаги и макетов будущих рукописей, каллиграф, мастер по золоту, книжный график, художник-миниатюрист и переплетчик. Ценность рукописной книги определялась качеством чернил, бумаги, переплета; определенную роль играли формат бумаги, соотношение текста и полей на листе, цветовая гармония и пропорции рамок, в которые заключался текст, особенности почерка, способ выделения подзаголовка из разноцветных красок, художественный орнамент и иллюстрации. Большой гордостью было иметь рукописные книги, переписанные рукой знаменитых каллиграфов, с иллюстрациями великих живописцев-миниатюристов. Разумеется, коллекции подобных книг, которые стоили дорого, могли собирать лишь богатые люди.

Знаменитым представителем каллиграфического искусства в Герате во второй половине XV—начале XVI вв. был Султан Али, каллиграф придворной библиотеки Султана Хусейна. «Хотя каллиграфов (в Герате) и было очень много,—отмечал Бабур,— но знаменитейшим в (почерке) насталик был Султан Али-и-Мешхеди. Он написал для Султана Хусейна-Мирзы и для Алишера ряд объемистых книг. Ежедневно он писал для Мирзы тридцать двестишый, а для Алишера — двадцать».

Султан Али был учеником гератского каллиграфа Азхара Герати, который приложил немало труда для воспитания и усовершенствования художественного дарования своего талантливой ученика. Талант Султана Али в каллиграфическом искусстве высоко ценили не только Бабур, но и Алишер Навои, Джами, Султан Хусейн и другие его современники. Недаром прозвище «Султан-ул-Хаттатан» («царь каллиграфов»), данное Азхару Герати своему ученику, осталось за Султаном Али на всю жизнь. Рукой этого знаменитого гератского калли-

графа, в частности, переписан «Диван детства» Навои, датированный 1492—1493 гг.

Прекрасный каллиграф Султан Али был не менее замечательным мастером по оформлению надписей на камне. Изумительным совершенством и красотой, по утверждению путешественников, отличались выполненные им художественные надписи на стенах павильонов и других построек, загородного дворца Султана Хусейна «Баг-и-джаханара» («Сад, украшающий мир»), а также мемориальная надпись на надгробной плите этого тимуридского правителя.

Султан Али любил поэзию. Сам он является автором нескольких стихов и большой поэмы, посвященной каллиграфии, с автобиографическими сведениями. По свидетельству Хондамира, было широко известно двустишие Султана Али:

Весенняя роза — образ этих розовых щек,
Как слезы мои — образ полного крови сердца.

Привлекают внимание и стихи Султана Али о твердости и красоте своего почерка в преклонном возрасте:

Исполнилось моей жизни 63 года,
А я еще молод (у меня еще) золотое перо.
Да, я могу и крупным и мелким почерком
Писать, потому что я — раб царя Али!

Султан Али вернулся в родной Мешхед после смерти Алишера Навои и Султана Хусейна. Умер он приблизительно в 1530 г.

Другим знаменитым гератским каллиграфом, обладавшим также известным поэтическим талантом, был Мир Али Харави, по прозвищу Маджнун. Он был учеником Султана Али. Современники отмечают, что Мир Али в почерке насталик даже превосходил «царя каллиграфов». Когда Мир Али спросили: «Какая разница между вашим почерком и почерком Султана Али?», он отве-

тил: «Я не довел свой почерк до совершенства, но в нем нет той соли, что отличает почерк Султана Али».

Перу Мир Али Харави принадлежат два труда, посвященных каллиграфии. Первый называется «Расм-ул-хатт» («Начертание письма»), а второй — «Хатт-ва-сэвад» («Письмо и умение писать»). Умер Мир Али Харави, по одной версии, в 1518 г., а по другой — около 1543 г.

Замечательным вкусом, большим мастерством и искусством были известны также гератские каллиграфы, современники Алишера Навои, Абдаллах Таббах, Шамс Байсункар Мирза, Джаффар Харави, Султан Мухаммад Хандон, Мир Хусейн, маулана Абдассамад Абдуджамил и многие другие.

С расцветом каллиграфического искусства в Герате в эпоху Навои высокой степени совершенства достигла и миниатюрная живопись — иллюстрации к рукописным книгам. В миниатюрах этого периода особое внимание уделяется цвету и тонкости рисунка. Этот факт и реалистические тенденции в искусстве составляли своеобразие гератской миниатюры и отличали ее от миниатюры предшествующих столетий.

Наиболее известным гератским живописцем-миниатюристом был Камалиддин Бехзад, прозванный европейскими искусствоведами «Рафаэлем Востока». Бехзад родился в Герате около 1455 г. Рано оставшись без родителей, он оказался на попечении знаменитого художника и придворного библиотекаря Султана Хусейна, Мирак Ага (ум. ок. 1507 г.), или, как его называли, Мирак-наккаш, который, по утверждению Хондамира, «в науке живописи и золочения не имел себе равного, в искусстве настенных надписей высоко поднял знамя бесподобности». Мирак Ага привил Бехзаду вкус к рисованию миниатюр.

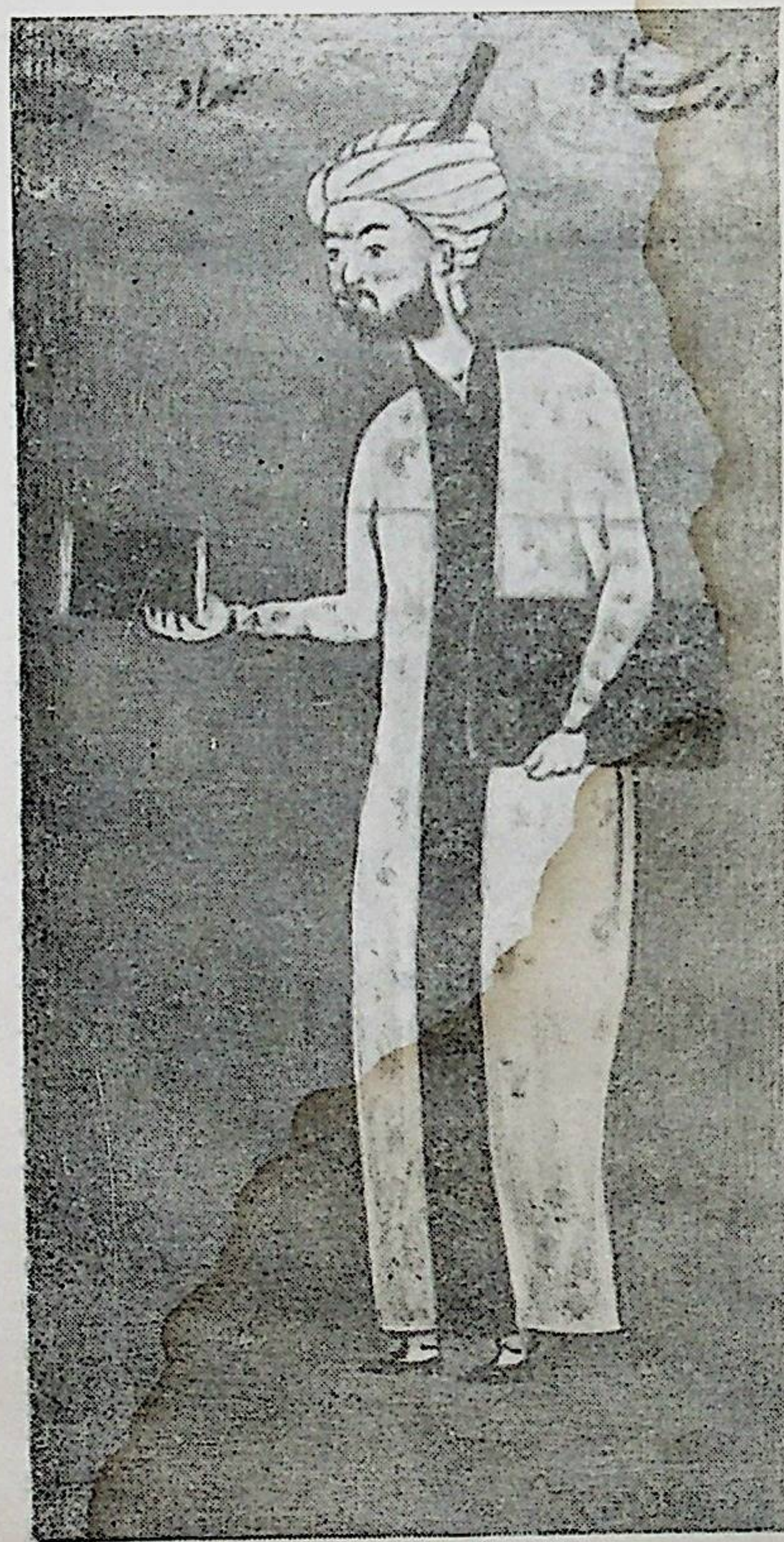
Юный и способный Бехзад быстро привлек внимание Султана Хусейна и его знаменитого визиря Алишера

Навои. Его назначили главой Гератской школы искусств. В стенах ее Бехзад создал многие из своих лучших миниатюр. Его мастерство с особой силой проявилось в миниатюрах к двум спискам «Бустана» Саади (первый датируется 1478 г., а второй — 1488 г.), иллюстрациях к рукописям «Хамсе» Низами и «Зафар-намэ», в которых, наряду с поэтически вдохновенным раскрытием красочного богатства природы, звучат социальные мотивы.

Большой интерес представляют его картины, отображающие действительную жизнь афганских кочевников — кучи. Кочевники сидят вокруг своих черных палаток из козьих шкур, разводят костры; на заднем плане изображены стоящие на скалах и играющие на свирели пастухи, взоры которых устремлены на коз и овец, пасущихся внизу.

В гератской миниатюре эпохи Навои получает развитие портрет как самостоятельный жанр, глубоко раскрывающий средствами изобразительного искусства внутренний мир человека и его характер. Бехзад оставил несколько портретов своих современников, среди которых выделяются портреты Султана Хусейна, основателя государства кочевых узбеков Шейбани-хана и другие.

Реалистические тенденции в творчестве Бехзада поражали его современников. Однажды, как пишет в своих замечательных мемуарах «Бадаи-аль-вакаи» («Удивительные события») современник Алишера Навои Зайниддин Махмуд Васифи, Бехзад принес «на маджлис великого эмира Алишера картинку — сцену из жизни, как-то: цветущий сад, состоящий из образных деревьев, на ветках которых красивые, разноцветные птицы. Повсюду текущие ручьи и распутившиеся цветы, приятные красотой и видом. Сам Алишер стоит опершись на посох, а перед ним расставлены блюда, насыпанные золотом и серебром для одарения. Когда его светлость Мир увидел это изображение, сердце его возрадовалось и он

Кемалиддин
Бехзад. Портрет
неизвестного
мастера.

воскликнул:— bravo!» Историк Хондамир посвятил этому художнику восторженное двустишие:

Волос его кисти благодаря его мастерству,
дал жизнь неодушевленным предметам.

После распада государства Хусейна и завоевания Герата Ираном, в 1510 г., Бехзад по приказу иранского шаха Исмаила переехал в столицу сефевидской державы Тебриз, где был назначен руководителем шахской библиотеки. Это была настоящая школа изящных искусств. Чтобы превратить свою столицу в соперницу Герата, шах Исмаил пригласил из различных стран большую группу художников, на творчество которых значительное влияние оказали Бехзад и гератская школа живописи. Бехзад продолжал творить даже в семьдесят лет, когда он, по рассказам современников, нарисовал прекрасную миниатюру, изображающую верблюжий бой. Умер великий художник-миниатюрист, по одной версии, в 1526 г., а по другой—в начале 30-х годов XVI в. и похоронен, как полагают, в Герате.

Кроме Ага Мирака и Камалиддина Бехзада большой известностью пользовались воспитанники Алишера Навои Ходжа Мухаммад (ум. около 1507 г.), Шах Музаффар (род. около 1481 г.—ум. около 1505 г.), ученики Бехзада Касем Али Чехракушо, Юсуф, Дост Девона, Махмуд Музаххиб, а также Мухаммад Исфагани и Дарвеш Мухаммад.

Ходжа Мухаммад, например, по словам Хондамира, всегда «писал пером обдумывания на страницах своего времени любопытные вещи и изумительные картины; в искусстве живописи и отделывания золотом стяжал большую известность». Этот художник также увлекался прикладным искусством и, согласно утверждению того же Хондамира, некоторое время занимался изготовлением фарфора. После долгих опытов он получил фарфор, весь-

ма похожий на китайский, но по качеству несколько уступавший ему.

Ходжа Мухаммад обладал определенными способностями и в области прикладной механики. Он, например, сконструировал интересные часы, по форме напоминавшие ящик, в котором находилась фигура человека с палкой в руке. Каждый час раздавались удары, означавшие, который час (в два часа — два удара, и т. п.). Эти оригинальные часы были установлены в библиотеке Алишера Навои.

В Герате второй половины XV—начала XVI вв. большого расцвета достигла музыка. И в этом также немалая заслуга Алишера Навои, который покровительствовал музыкантам. Сам Навои, будучи хорошим музыкантом, по свидетельству Бабура, составил много прекрасных мелодий, отдельные части макомов, наподобие накшей и пешравов (вокальных мелодий).

Стихи Алишера Навои широко использовали для своих произведений гератские композиторы. Например, известный гератский композитор и музыкант, большой друг Алишера Навои Ходжа Абдулла Марварид переложил на музыку газель великого поэта «Опьянен я и розданы мои одежды». Эта мелодия, по словам Васифи, стала настолько популярной среди жителей Герата, что не было почти ни одного дома, где бы ее не распевали.

Наиболее известными и популярными представителями музыкального искусства этого периода считались Кул Мухаммад, Шейхи-наи, Хусейн-уди и Шах Кули. Кул Мухаммад превосходно составлял пешравы, отлично играл на смычковом гиджаке¹ и уде — двенадцатиструнном щипковом инструменте, весьма распространенных в те времена.

¹ Г и д ж а к — музыкальный смычковый инструмент, род скрипки.

Знаменитым флейтистом (отсюда происходило прозвище «Наи») был Шейхи, который также хорошо играл на гиджаке и уде. Он обладал исключительной музыкальной памятью, что давало ему возможность после одного прослушивания безошибочно воспроизвести любую мелодию.

Замечательным исполнителем музыкальных произведений на гиджаке и композитором являлся Шах Кули. Он был родом из Ирака, но долго прожил в Герате и поэтому получил прозвище «Гератский». Написанные им мелодии, прелюдии и другие музыкальные произведения снискали ему широкую популярность. Абдуррахман Джамии посвятил хвалебное стихотворение его музыкальной одаренности и исключительной талантливости.

Популярными представителями музыкального искусства Герата были также Кучек Али Танбури, Али Хони, Султан Махмуд и певец Устади Шади. Популярным был и танцовщик Саид Герати, основавший свою школу.

В источниках, относящихся к периоду Алишера Навои, среди имен представителей искусства упоминаются и имена шахматистов. Игра в шахматы являлась в те времена искусством, а известные шахматисты пользовались таким же уважением, как музыканты, ученые, художники, поэты. Знаменитым шахматистом эпохи Алишера Навои был маулана Фасихуддин Сахиб. Он был широко эрудированным человеком и сотрудником Алишера Навои.

Покровительствуя представителям литературы и искусства, Алишер Навои большое внимание уделял развитию науки, особенно исторической. Многие историки, жившие и писавшие в Герате, пользовались советами гениального Навои. Известно, что гератский историк Мирхонд (1433—1498) свой большой труд «Раузат ас-сафа» («Сад чистоты») написал по его предложению. Как ука-

зывает в предисловии сам Мирхонд, проект этого труда был одобрен Алишером Навои. Проект предусматривал, что Мирхонд напишет труд, состоящий из семи самостоятельных отдельных книг, которые, однако, должны быть тесно связаны между собой последовательностью. В проекте говорилось также, что не следует обременять работу слишком длинными предложениями, иносказаниями, пышными и туманными выражениями.

Алишер Навои во многом помогал Мирхонду. Он предоставил в его распоряжение прекрасное помещение в ханаке¹ Халасийе, дал возможность пользоваться личной библиотекой, оказывал материальную помощь. Однако смерть помешала Мирхонду завершить полностью свою работу, которую он начал в 1474 г. Из намеченных семи томов он написал шесть.

Особым покровительством пользовался также внук Мирхонда, историк Гиясаддин Мухаммад ибн Хумамаддин по прозванию Хондамир (род. около 1475—1476 гг. в Герате). Как и дед, он пользовался всесторонней помощью и поддержкой Алишера Навои. Хондамир писал, что молодые побегги его бытия «от первых лет детства до конца юности процветали и росли на берегу реки милостей и щедрот этого великого человека».

Приблизительно в 1498—1499 гг. Хондамир, которому тогда исполнилось всего 24 года, закончил первое историческое сочинение «Хулосат уль-ахбор» («Существеннейшее из известий»).

В 1514 г. Хондамир оставил родной город и переселился в деревню Бушт, расположенную в Афганском Туркестане. В Герат Хондамир возвратился в 1516 г. и поступил на службу к визирю правителя Хорасана Дурмиш-хана эмиру Хабибулле Саваджу. Но в 1527 г. Хондамир вновь покинул Герат и переехал в Индию. Здесь

¹ Х а н а к а — обитель дервишей, странноприимный дом.

он был обласкан Бабуром и зачислен в число приближенных этого тимуридского правителя. При Хумаюне, сыне Бабура, Хондамир также был близок ко двору. Умер Хондамир около 1534 г. и похоронен в Дели.

Из наиболее известных историков, живших и работавших во времена Алишера Навои, можно назвать Камаладдина Абдурразака Самарканди (1413—1482), автора сочинения «Матла ас-са'дайн» («Восход двух счастливых светил»), Му'инаддина Исфизари и других. Эти произведения знакомят нас с событиями политической и культурной жизни того времени.

Как отмечает Хондамир в «Макарим ал-ахлак» («Книга благородных качеств»), свои научные труды «Рисола дар илми мусикий» («Трактат о музыкальной науке») Абдуррахман Джамии и «Иктисобат» («Выдержки») Ихтияриддин Хасан Турбати написали также по совету Навои.

Советы и разносторонняя поддержка Алишера Навои представителям литературы, искусства и науки помогли многим из них прославиться. Устад Кул Мухаммад, Шейх-наи и Хусейн-уди, «великие мастера в игре на инструментах,— пишет Захираддин Бабур,— снискали столь большую славу и успех благодаря помощи и поддержке бека (Навои — М. Б.). Устад Бехзад и Шах Музаффар тоже стали столь славны и известны вследствие забот и стараний бека».

В свою очередь многие известные представители литературы, искусства и науки второй половины XV—начала XVI вв., в знак глубокого уважения к Алишеру Навои и в благодарность за его поддержку, посвящали ему свои труды.

Советский ученый М. Салье — переводчик и исследователь известного труда Хондамира «Макарим ал-ахлак» («Книга благородных качеств») — отмечает, что Хондамир, желая отблагодарить Навои, решил просла-

вить его достоинства в особой книге. Но библиографу не было суждено поднести эту книгу великому поэту. 3 января 1501 г. Алишер Навои скончался на руках молодого историка. «Потрясенный кончиной своего обожаемого и любимого учителя и покровителя, Хондамир намерен был забросить переписку на бело своего труда»... Только в результате вмешательства Султана Хусейна эта работа в 1501 г. была завершена.

Все свои труды посвятил Алишеру Навои видный ученый Мухаммад ан-Низами. Именем великого поэта украсили свои сочинения «Памятка о душах» Дервиш Али Табиб, «Сад возлюбленных» — Атауллах Асылы, «Комментарий к Светильнику» — Имадиддин Абхари, персидский комментарий к корану — Кемалиддин Хусейн Вайз.

Алишеру Навои также посвятили свои работы по логике, законоведению, арабской словесности, математике, астрономии Кемалиддин Ма'суд Ширвани, Ходжа Абуль Касым, Абуль-Лейси, Абдарраззак Кермани и многие другие. Особенно большое место Алишеру Навои отведено в литературе. Поэты и писатели того времени считали своим неременным долгом украсить именем великого человека свои произведения. Абдуррахман Джамии посвятил Алишеру Навои свои художественные произведения «Лейли и Меджнун», «Юсуф и Зулейха», «Четки пречистых», «Книга мудрости Искандера» и трактат «Свидетельства пророческого сана».

В «Лейли и Меджнун» Джамии говорит о Навои как о своем лучшем и близком друге, отличительной чертой характера которого было человеколюбие и гуманность. По мнению крупнейшего советского востоковеда С. Э. Бертельса, в следующих строках скрыто имя Навои:

Друг когда соединится с другом,
пальма надежды станет плодоносней,
друг — ключ сокровищницы надежды,
друг — радостная весть о вечном блаженстве.

Какова цель создания мира, как не друг?
Барыш от этой торговли какой, как не друг?
Особенно когда в саду знакомства
звучит песнь на ветви верности,
то есть когда он заводит песню милости¹,
сердца разбитых ласкает.
Нет дела, равного этому делу,
все друзья мира в жертву да будут этому другу.

Имя Алишера Навои с большим уважением и любовью упоминается и во многих других работах Джами. «Юсуф и Зулейха» Ходжи Мас'уда Гулистани, «Колдовство дозволенное» маулана Гиясиддина Мухаммада, «Двустия» Алааддина Кермани, «Касыда» Ахли Ширази, а также сочинения по теории литературы и трактаты о логогрифах эмира Бурханиддина Атауллаха — «Поэтическое искусство и риторика», «Послание о фигурах», «Трактат о рифме», Шамсиддина Мухаммада Бадахши — «Послания о му'амма», Кемаладдина Мир Хасана — «О стихах со скрытым смыслом» и другие посвящены также Алишеру Навои. Алишер Навои изображен в них как гениальный поэт, выдающийся деятель науки и великий человек.

Большой интерес представляет книга историка литературы Давлат-шаха «Тазкират-уш-шуара» («Жизнеописание поэтов»), написанная в 1487 г. В этой работе, представляющей собой библиографическую антологию, содержатся краткие, но важные сведения о жизни, общественной деятельности и литературном творчестве Алишера Навои.

Во всемирно известной книге Захираддина Мухаммада Бабура «Бабур-намэ» также отведено значительное место Алишеру Навои. Бабур, который поддерживал переписку с великим поэтом, хотя никогда и не видел его,

¹ Предпоследний бейт можно прочесть и так: то есть когда Навои оказывает милость, сердца разбитых ласкает...

в своей книге изложил важные сведения, известные ему из рассказов и воспоминаний жителей Средней Азии и Герата.

Интересные воспоминания об Алишере Навои имеются в книге «Удивительные события» Зайнаддина Махмуда Васифи, который был горячим поклонником и современником поэта. В книге Васифи приводятся сведения о беседах и собраниях в доме Алишера Навои, в которых непременно участвовал великий поэт.

Навои пользовался огромной любовью и большим уважением среди различных слоев народа. После его смерти в обряде погребения, происходившем в Герате 3 января 1501 г. при большом стечении народа, принимали участие как крупные сановники, видные представители литературы, искусства и науки, так и простые люди. «Когда по городу распространилось тяжелое известие, ставшее причиной рыданий всего народа...», — писал Хондамир, — ученые из ученых сбрасывали с головы чалмы и становились вне себя от горя, ибо кто другой теперь будет ими руководить и их опекать. Уважаемые поэты и прозаики разрывали на себе халаты, ибо сознавали, что не к кому теперь спешить на литературные собрания».

В память Навои один из поэтов писал:

Навои — в долинах слова нежнозвучный соловей,
Навои — бесценный жемчуг в оболочке из идей.
Сокол мысли на высотах красноречья — Навои,
Звезды разума без счета в каждой речи Навои.
Навои — ловец жемчужин в море тонкой красоты.
Навои — тюльпан, затмивший красотой все цветы.
Попугай, всегда грызущий сахар слова — Навои.
То перо, что сеет перлы слов медовых — Навои.
В мире тысячи поэтов, мир велик, но спору нет —
Навои из первых первый, всем поэтам — вождь-поэт.
Лик поэзии прекрасным сделали стихи твои,
О, влюбленный в облик мысли несравненный Навои!

Гуманность и справедливость снискали Навои огромную любовь народных масс.

Навои, богатый и влиятельный человек в государстве тимуридов, выступал за справедливость, против беззакония, неограниченного произвола и самоуправства феодальной знати. Когда в 1470 г. в Герате вспыхнуло народное восстание против обременительных и незаконных налогов, бесчинства жестоких чиновников, Алишер Навои, занимавший тогда пост хранителя печати, добился от Султана Хусейна наказания ненавистных народу чиновников и указа об отмене незаконных поборов. В результате мер, принятых Алишером Навои, спокойствие в столице было восстановлено.

Требуя от знати гуманного отношения к народным массам, Навои сам стремился быть примером в этом деле. «... Он,— отмечал Хондамир,— ежедневно вручал кому-нибудь из своих доверенных слуг большое количество денег, заботясь о том, чтобы при объездах города его взор всегда падал на нуждающихся... Он одарял близких и далеких, поэтов и достойных людей, бедных, больных и сирот золотом и одеждой; вообще, он постоянно оделял своими безграничными милостями как избранных, так и простых людей».

Представитель своей исторической эпохи, Навои был далек от понимания классов и классовой борьбы. Однако он стремился как-то облегчить невероятные страдания народа. Но, выступая против невежества и деспотизма, против гнета и разорения, Навои был бессилён добиться торжества справедливости, избавления народа от страданий. Печаль, разочарование и недовольство своей эпохой престарелый поэт выразил в рубаи (четверостишии):

Нет в мире такого несчастного, как я,
Разочарованного судьбой, как я,
Чье достояние погубило в заботах и печали,
Бездомного скитальца, как я.

Герат эпохи Навои, как уже говорилось, был известным торгово-ремесленным центром Среднего Востока. Особенно славились, как утверждают гератские историки, базары и базарчики, где продавались кустарно-ремесленные изделия и продукты сельского хозяйства. Имелись здесь и книжные лавки, где любители могли приобрести произведения любого автора. Книжные лавки обычно служили и местом сборищ поэтов и остроумцев Герата. Там гератцы узнавали новости литературной жизни, знакомились с новыми газелями, разгадывали стихотворные шарады (му'амма). Заметной фигурой на базарах Герата были так называемые «газалфуруши» (торговцы газелями), которые могли за определенную сумму обеспечить каждого копиями лирических стихотворений.

Известный венгерский ученый-востоковед А. Вамбери, посетивший в начале 60-х годов прошлого столетия Герат, так описывает один из городских базаров, построенных при тимуридах. «Как во всех городах Востока,— пишет он,— в Герате много развалин — древних и более поздних; как везде, первые изящнее и величественнее последних... Только украшенный куполом базар, выдержавший не одну осаду, представлял замечательную картину индийской, персидской и среднеазиатской жизни; в этом отношении он замечательнее базара в Бухаре.

Самый базар, постройка которого относится ко времени Султана Хусейна-Мирзы, следовательно, к блестящему периоду в истории Герата, прекрасен даже в своих развалинах. Ему около 400 лет. Прежде он составлял целую улицу между дарвазе Араком и дарвазе Кондахаром...»

Герат эпохи Навои был известен своими искусными ремесленниками. Ремесленники каждой профессии сели-

лись специальными кварталами и улицами. О факте, косвенно подтверждающем значительное развитие цеховой организации ремесленного производства и интенсивность торгово-ремесленной жизни в Герате, свидетельствует Хондамир в своем рассказе об участии ремесленников в одном из пышных праздников и увеселений, которые часто устраивались тимуридскими правителями Герата в пригородных садах. «Ремесленники,— писал Хондамир,— заняли правую сторону дороги, начиная от входа до центрального хауза. Они построили удивительные дуканы и киоски, по своим украшениям /подобные/ китайским картинным галереям и способные вызвать зависть у звезд зодиака. Были показаны разного рода удивительные зрелища и занимательные выдумки». При этом «каждый цех в соответствии со своим ремеслом» подготовил удивительные фигуры и редкостные забавы.

Абдарразак Самарканди, описывая торжество, устроенное в честь рождения сына Султана Хусейна, отмечает, что мастера-ремесленники подготовили к этому празднику различные удивительные вещи. Например, ходжа Али Исфагани изготовил сосуд для розовой воды. На нем мастер изобразил резьбой по ганчу 32 группы ремесленников, каждая из которых была занята своим ремеслом.

Произведения гератских живописцев и мастеров художественного ремесла не только не уступали привозным, но некоторые и превосходили их.

Непревзойденный талант народных умельцев, которые своим трудолюбием приумножали славу Герата, с большой душевной теплотой и любовью описывает в своей известной антологии «Изящные беседы» Алишер Навои. Поэт называет имена Мани, Хамдами, Саиди. О Мани Навои рассказывает, что «его отец был гончаром бесподобным, китайские фарфоры изготавливал сам, а его брат эту фарфоровую посуду украшал росписью так,

что подобного не в силах были сделать даже в самом Китае и Китае...»

Благородный труд народных умельцев своего времени Навои с восхищением воспекает в поэме «Фархад и Ширин», в стихотворном диване «Навадир-аш-Шабаб» («Редкости юности») и других произведениях. В них он с изумительной точностью описывает качество кустарно-ремесленной продукции: красивую одежду, изящные ткани, предметы домашнего обихода и т. д.

Восторгаясь изумительной красотой халата девушки, Навои сравнивает его с розой:

Словно роза, этот алый девы молодой халат,
Болью мне сжигает сердце, как огонь, сквозной халат.
Весь окрашен кровью птицы, бьющейся в груди моей,
Облачивший в цвет тюльпана стан ее тугой халат.

Ремесленное производство Герата процветало и развивалось в основном для поддержания роскошной жизни феодальной знати, а не для удовлетворения нужд и потребностей широких масс трудящихся. Представители феодальной знати строили в Герате и его окрестностях роскошные дворцы, мечети и другие здания, их богато оформляли мрамором, мозаикой и художественной росписью. Все они отличались монументальностью, торжественностью, большими масштабами, богатством отделки, которые должны были подчеркивать величие, силу и могущество главной столицы тимуридских государств, богатство класса феодалов, их отличие от трудящихся, ютившихся в жалких лачугах.

Многие здания, построенные в Герате, были связаны с именем Алишера Навои. По его указанию и под его непосредственным руководством в Герате и других мес-

¹ Медресе (мадраса) — высшее мусульманское духовное училище.

тах было построено 370 или 380 медресе¹, постоянных дворов, больниц, читален, мостов и других зданий и сооружений. «Мало кому удалось построить столь полезных зданий, сколько построил он»,—писал о Навои Бабур. Значительную часть этих зданий Навои воздвиг за свой собственный счет. «Я,—как отмечал великий поэт в своем произведении «Вакфийе» («Завещательное распоряжение»),—немного занялся возделыванием земли. Так как я в этом деле придерживался, как мог, справедливости, то... мне достались богатство и прибыль. Из всего этого я брал себе на прожитие лишь то, что нужно простому человеку, пока не пройдет его жизнь, довольствуясь халатом, чтобы защититься от жары и от холода, и соответствующей этому пищей. Прочее я частью расходовал ради общения с людьми, а также на прокорм нукеров и домочадцев. Излишек, оставшийся сверх расходов на кормление и на выполнение необходимых обязанностей, я тратил на обители блага...»

Постройки, сооруженные Навои, отличались красотой и величием. Современник поэта Давлат-шах, восхищаясь комплексом зданий, построенным Навои на берегу канала Инджиль, в северной части Герата, среди тенистых садов, писал: «Путники, прошедшие весь свет, не могли указать подобных зданий по их украшениям и тщательности работы». Этот комплекс построек назывался кварталом Алишера Навои. Он, по утверждению Бабура, состоял из жилых зданий, мечети, мавзолея, медресе, ханаки, бани и больницы. Наибольшими архитектурными достоинствами в этом комплексе отличались медресе Ихласийе и ханака Халасийе.

К числу прекрасных построек Герата, сооруженных при участии Алишера Навои, относится и ханака Шафайе, расположенная западнее ханаки Халасийе, а также медресе Низамийе. В этих медресе и ханаках, по свидетельству Хондамира, занималось много студентов.

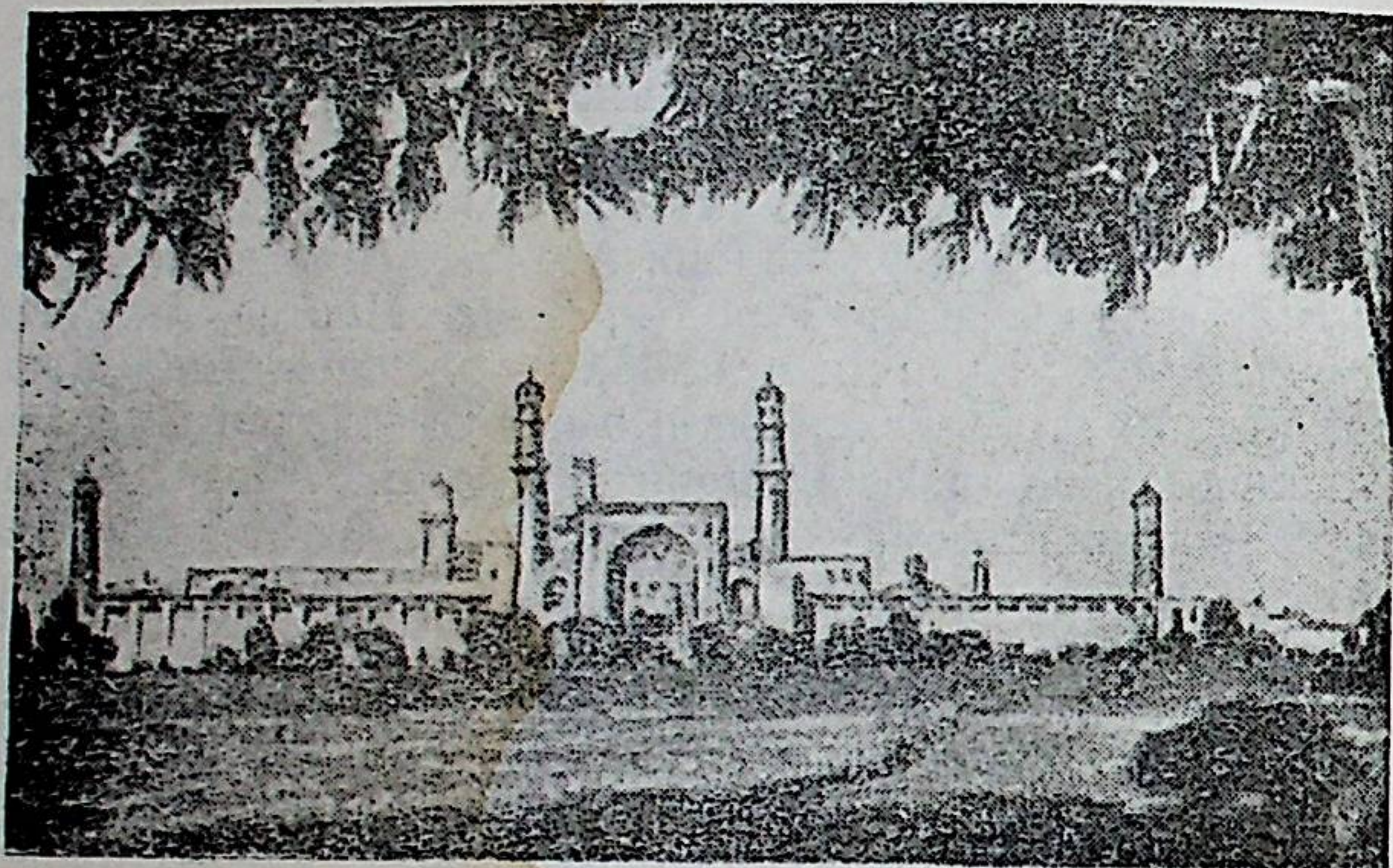
Для их обучения привлекались крупные ученые того времени. В медресе Ихласийе преподавали маулана Гиясиддин Хайрабади, маулана Мухаммад Ханафи, маулана Мухаммад Табризи, маулана Камолиддин Мас'уд Ширвани, эмир Бурханиддин Аталлах Нишапури, казий Ихтияриддин Хасан Турбати, эмир Муртаз, маулана Мухаммад ан-Низами; в ханаке Халасийе — эмир Джамаллиддин Атауллах Асылы, эмир Садриддин Ибрагим Мешхеда, Ходжа Имадиддин Абдулазиз Абхари; в ханаке Шафайе — маулана Мухаммад Муин, маулана Гиясиддин Мухаммад; в медресе «Низамийе»,— эмир Бурхониддин и маулана Каримиддин Даштибаяз.

Навои не только построил в Герате на свои средства медресе и ханаки, но и сделал большие пожертвования на их содержание. В дарственной записи «Вакфийе» он пишет, что они составляли около 300 джерибов плодородной земли с садами в окрестностях Герата, не считая земельные участки (небольшие базарчики и отдельные лавки) в самом городе.

В «Вакфийе» Навои указывает, каким образом должны были распределяться доходы, получаемые от пожертвованного им недвижимого имущества. Например, преподавателям медресе было назначено каждому в год по 1200 золотых и 24 мешка зерна, а лучшему по успеваемости студенту — 24 золотых и 5 мешков зерна, среднему — 16 золотых и 4 мешка, слабому — 12 золотых и 3 мешка.

Подробно указывались также средства, которые должны были быть выделены на содержание служащих медресе и ханака, а равно и на бесплатное угощение нищих в дни больших праздников.

Великолепным зданием, возведенным Алишером Навои, было и Унсийе. Здесь жил сам поэт и находилась его большая библиотека, которой пользовались знаменитые представители науки, искусства и литературы.

Соборная мечеть Масджиди Джами в Герате.

Кроме зданий, которые являлись прекрасными образцами восточной архитектуры, по распоряжению Алишера Навои в Герате и его окрестностях были построены 15 мостов и около 20 хаузов, которые являлись источником питьевой воды для городского населения.

Особое внимание современников Алишера Навои обращала на себя его деятельность по реконструкции гератской соборной мечети «Масджиди Джами», сооруженной при гуридских правителях в начале XIII в. Эта мечеть, сильно пострадавшая в период монгольского нашествия и восстановленная при правителях куртской династии Гиясаддине (1306—1329) и Муиззаддине Хусейне (1331—1370), ко времени правления Султана Хусейна вновь оказалась в полуразрушенном состоянии.

Современный афганский литературовед Ахрари дает интересное описание «Масджиди Джами». «Мечеть,—

пишет он,— состоит из 460 куполов, 130 арок, 444 колонн и достигает в длину 254 метра и в ширину 25 метров. Северная терраса равна по длине 2 метрам и по ширине 15 метрам, а южная терраса соответственно 22 метрам и 13 метрам, а гробница куртских королей достигает в длину 24 метров и в ширину 23 метров». При этом Ахрари отмечает, что площадь двора «Масджиди Джами» равняется в длину 114 метрам, а в ширину — 84 метрам. Мечеть имеет шесть входов.

За восстановление «Масджиди Джами» — этого величественного архитектурного памятника, в 1498 г., то есть незадолго до смерти, принялся Алишер Навои. В первую очередь он распорядился, чтобы отремонтировали и реконструировали центральный купол здания — «Максура», который был тогда на грани разрушения.

Чтобы окончить реконструкцию в короткий срок, он значительно повысил жалованье мастерам и рабочим, постоянно совещался со специалистами. В результате реконструкции купол мечети был снесен и заново отстроен. Новый купол был сооружен на двух крепких колоннах и увенчан двумя арками. Над первым этажом мечети был надстроен второй.

Благодаря энтузиазму, энергии и щедрости Алишера Навои работа, требовавшая в обычных условиях не менее четырех лет, была выполнена за шесть месяцев.

В ознаменование этого события поэты Герата сочинили стихи, а мастера надписей по камню запечатлели их на стенах купола. Вот как звучат стихи поэта маулана Муайнуддина Асфарайни:

«Устроитель государства...
царствующий Мир (Алишер).
Реставрировал это здание так великодушно,
что оно выглядит как новое здание.
Это был счастливый случай и подходящее время,
когда было найдено выражение «реставрировал».

Другой участник этого знаменательного события выражает свое восхищение в следующих строках:

Когда все здание было окончено,
Мудрость нашла эту дату в «обители добра».

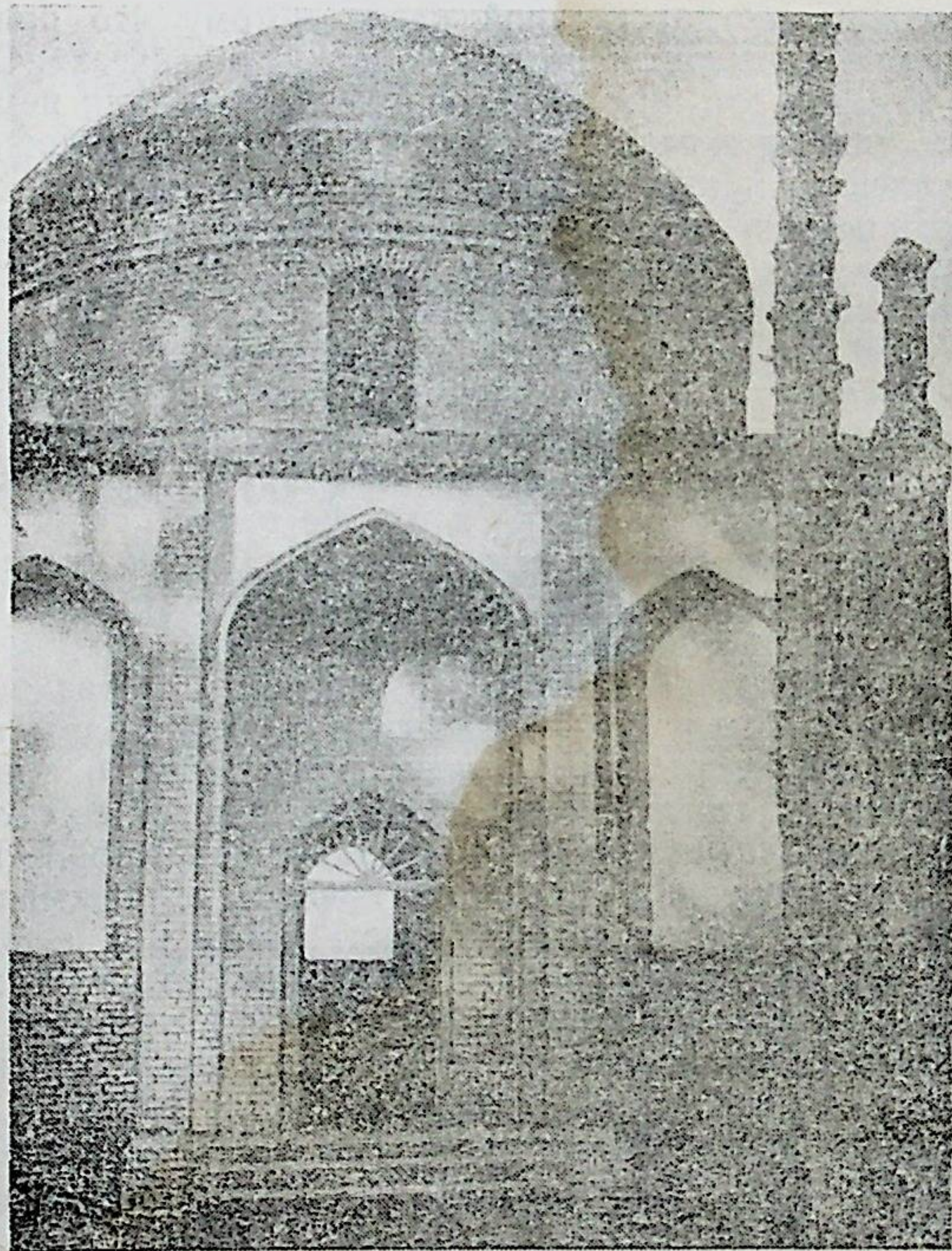
После окончания реконструкции купола Алишер Навои приказал заменить старую потрескавшуюся ореховую кафедру мечети мраморной. Из мраморной глыбы, доставленной из района Хавф, мастер Шамсутдин построил великолепную сверкающую кафедру. Эмир Ихтияруддин Хасан по этому поводу написал:

Под покровительством великого человека
была окончена кафедра;
Она так высока, что почти касается неба.
Никто никогда не видел кафедры, изваянной из мрамора.

(слова «никто никогда не видел» означают дату окончания).

Одновременно со строительством мраморной кафедры соборной мечети, по указанию Алишера Навои, мастера облицевали стены этого здания изразцами, а художники украсили его рисунками цветов и листьев. Арки же и колонны мечети были покрыты надписями в стиле арабских и местных каллиграфов.

Алишер Навои стремился как можно быстрее закончить реконструкцию соборной мечети и не допускал даже малейшего промедления в работе. Когда прославленный художник и каллиграф Ходжа Мирак, которому было поручено изготовление надписей, стал затягивать работу, Навои, не прибегая к репрессивным мерам, ускорил дело хитростью. Он приказал Ходже Джалалуддину Мухаммаду, начальнику финансового ведомства, написать этому художнику письмо следующего содержания: «Господин Мирак, от вас требуют уплаты 5000 динаров, которые

Мавзолей Алишера Навои в Герате.

вы должны государственной казне, потому что правительство испытывает неотложную нужду в деньгах». Солдаты отнесли это письмо Мираку и потребовали немедленной уплаты указанных денег. Озадаченный художник обратился за помощью к Алишеру Навои, который согласился помочь ему, но при условии, что он через 15 дней выполнит всю работу. Таким образом, Мирак быстро окончил свою бессмертную работу.

В 1500 г. отделка мечети была закончена. По этому случаю Алишер Навои устроил для всех участников восстановления мечети большой пир, на котором были розданы ценные подарки — шубы, шерстяные фараджия, халаты, бумажные кафтаны и другие вещи.

По утверждению современного афганского ученого Гуйя Этемади, нет никаких признаков, подтверждающих, что мечеть во времена гуридских и куртских правителей была украшена гипсовой лепкой и изразцовой облицовкой. Между тем на гробнице гуридского султана Гиясиддина имеются некоторые куфические надписи, вырезанные на гипсе, с использованием в какой-то степени светотени. «Указания на это изящное искусство, — пишет Гуйя Этемади, — являются ключом к пониманию таланта и мастерства людей, участвовавших в декоративной отделке этого здания. Удивительно, что эти люди сумели в те времена создать такие чудеса художества, которые с тех пор веками вызывают восхищение народов. Но они, к сожалению, не остались неподвластными отметинам времени. Это относится ко всем гипсовым и изразцовым работам, выполненным в период правления Султана Хусейна-Мирзы под покровительством его даровитого визиря Мир Алишера Навои».

Реставрационные работы, осуществленные непосредственно под руководством Алишера Навои, были проведены так умело, что почти не повлияли на первоначальный облик «Масджиди Джамии». На стенах четырех

галерей этой мечети до сих пор сохранилась яркая облицовка из чудесных глазурованных плит тимуридских времен, в большинстве зеленых и голубых, с великолепными надписями между ними¹.

Для феодальной знати возводились пышные дворцово-парковые ансамбли в окрестностях Герата. Самым большим таким ансамблем в пригороде Герата были сад и дворец, устроенные по приказу Султана Хусейна северо-восточнее города на месте небольшого сада под названием «Баги Мурад». Этот дворцово-парковый ансамбль Султана Хусейна, названный «Баги Джаханара» («Сад, украшающий мир»), занимал площадь в 440 дже-рибов — приблизительно 1 квадратный километр. Кроме высокого дворца, окруженного цветниками, фруктовыми и декоративными деревьями, на территории сада имелись четыре павильона и специальный тир, предназначенный для упражнений в стрельбе из лука.

Хондамир среди царских садов называет также сад «Чаман ара» («Украшение луга»), сад «Бейт-уль-Омон» («Дом безопасности») и другие.

Алишер Навои, подобно членам царской семьи и крупным сановникам и феодалам, по свидетельству Хондамира, также устроил несколько прекрасных садов и парков. Например, сад-парк «Сангкашон» («Таскающих камни») и садик «Шаукия» («Привлекательный»).

Говоря о высокой культуре Герата эпохи Навои, необходимо отметить, что в культурной жизни принимали деятельное участие в основном представители высшей аристократии. К ней отчасти приобщались и зажиточные слои населения. Так, по словам Васифи, некий ге-

¹ По словам советского ученого У. К. Каримова, побывавшего в 1967 г. в научной командировке в Афганистане, соборная мечеть Герата в настоящее время заново украшена надписями как на арабском языке, так и на языках персидском и пушту.

ратский поэт по имени Амани, в доме которого организовывались «сборища поэтов и просвещенных людей», был владельцем небольшой лавки, где готовили и продавали жареный горох.

Для образованного горожанина было обязательным знание арабского языка, хадисов и корана, а также ориентация в литературных текстах различных эпох, знакомство с техникой стихосложения, искусством каллиграфии, красноречия, пения, познания в логике. Простые же люди, которые создавали материальные блага, жестоко эксплуатируемые феодалами, не имели возможности получать необходимые знания. Господствующие классы не только разоряли их экономически, но и подавляли духовно. Им было выгодно держать эксплуатируемые массы в плену бескультурия и фанатизма.

Бедственное и несправное положение народных масс во владениях Султана Хусейна весьма наглядно описывается в одной из поэм Джамии. Великий поэт, обращаясь к представителю феодальной знати, писал:

Если корень насилия твоего укрепитя,
Насилие твое станет насилем над целым миром.
Если ходжа дома играет на бубне,
пляшут все обитатели его дома.
Целый город бывает разграблен

от твоего притеснения

для того, чтобы для тебя был

выстроен один дворец.

Лучше бы тебе прекратить строительство, дабы не
влекло оно тебя к грабежу.

Целые сады гибнут от твоего насилия для того,
чтобы тебе попал в руки один объедок яблока,
Лучше бы тебе воздержаться от этого яблока,
а то за каждое яблоко придется

тебе держать ответ.

Плоды и куры на твоём столе
из дома вдовы и сада сироты.

Твой повар по грубости дрова
тащит из вязанки всякого сгорбленного.
Твоего сокола сокольничие хитростью
кормят цыплятами, отнятыми у старухи.
Твой конь всякий день
ест солому и ячмень из торбы бедняков,

собирающих колосья.

Уши твоих рабынь получили удел
от золота, которое нищие города

получили в подаяние.

Заканчивая краткий обзор культурной жизни Герата эпохи Навои, необходимо сказать, что истинными творцами всех культурных ценностей были трудящиеся массы, крестьяне и ремесленники. Однако руководящая роль принадлежала классу феодалов — господствующей материальной силе общества.

В развитие культуры средневекового Герата, как свидетельствуют археологические, этнографические и антропологические данные, большой вклад внесли многие народы Востока и, в частности, Средней Азии. По словам академика АН УзССР И. М. Муминова, в настоящее время в Герате, например, имеется множество археологических памятников, связанных с культурой узбекского и афганского народов.

Для дальнейшего изучения богатого наследия, оставленного великим поэтом и ученым Алишером Навои, и исследования его эпохи в Ташкенте в начале 1967 г. создан Государственный литературный музей имени Алишера Навои. Организация этого музея явилась большим событием в культурной жизни нашей республики, так как изучение древней культуры народов мира имеет чрезвычайно важное значение для построения коммунистического общества. «Культура коммунизма, вбирая в себя и развивая все лучшее, что создано мировой культурой, явится

новой, высшей ступенью в культурном развитии человечества. Она воплотит в себе все многообразие и богатство духовной жизни общества, высокую идейность и гуманизм нового мира. Это будет культура бесклассового общества, общенародная, общечеловеческая»¹.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1961, стр. 130.

Марат Абдусаматович Бабаходжаев

ГЕРАТ ЭПОХИ АЛИШЕРА НАВОИ

Редактор А. Бичерова
Художник И. Қриакиди
Художественный редактор М. Гумаров
Технический редактор Т. Аббасов
Корректор Д. Умарова

Сдано в набор 6/II—1968. Подписано к печати 9/IV—1968. Формат 70 × 108/32.
Печ. л. 1,375. Усл. печ. л. 1,92. Уч.-изд. л. 1,86. Тираж 5000. Р. 04412. Изда-
тельство «Узбекистан». Ташкент, Навои, 30. Договор № 17—68.
Отпечатано на бумаге № 1.

Типография № 3 Госкомитета Совета Министров УзССР по печати, Ташкент
Навои, 30. Зак. 91. Цена 6 к.

Бабаходжаев М. А.

Герат эпохи Алишера Навои.
1968.

Т., «Узбекистан».

44 стр.

Тираж 5000.

I. Навои Алишер. О нем.

001 (5) +8Уз

№ 255—68

Гос. б-ка УзССР им. А. Навои.

57